

№ 104. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК)

- Как из славного из города из Муромля,
От того подворья богатырьского
Там едет старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
5. Он заутрену служил да всё й во Муромли,
Ай к обедни хотел он в стольний Киев — град.
И он выходит из божьей да от заутреной,
Да й выходит во палаты белокаменны
Ко своим родным да ко родителям.
10. Говорит — то он им да таковы слова:
- «Ай ты, свет родимый ты мой татенька,
Да и рódная да моя маменька,
Ащо дайте — то мне ведь благословение,
Да й поеду я да й в стóльной Киев — град
15. Ко тому — то я ко князю ко Владимиру
На почестен пир да й пировáньице!»
Говорят они ему да й таковы слова:
— «Ай ты, свет наше чáдьишко любíмоё,
Ты любíмоё наше, единое,
20. Тридцеть лет у нас сидел да ты в убожестве,
Ай убогой — то да всё безногой — то.
Накопил ты силы богатырьской,
Поежжаешь ты во путь — дороженку,
Там есть много застав великих,
25. Там есть много пóлениц удáльных,
Там есть много могуцих богáтырей.
Да й убьют головушку невинную,
Да й бросят — то головушку под ракитов куст!»
Говорит он им да таковы слова:
30. — «Дадите вы да мни благословеньице — поеду я,
Ай не дадите вы — да всё й поеду я!»
Говорят они да таковы слова:
— «Бог подаст тебе благословеньица,
А мы от себя да всё й прощеньица.
35. Ай поедешь ты да й в стольней Киев — град
Ко тому ко князю ко Владимиру,
Ты постой — ко там за отечество,
Да й постой за города да за окольные,

- Да й постой за церкви да богомольнии!»
40. Тут скорешенько идет он на широк на двор,
Брал седёлышко да всё й черка́льское,
Брал уздечку он да княженечкую,
Заходил в конюшенку стоялую,
Ай седдал коня да й богатырьского,
45. Он подтягивал подпруги вси шелко́выи,
Ай подвязывал да стремечки була́тнии, —
Как булат — жалезо дак не по́гнется,
Ай шелку́ не рвутся и не тянутся.
Выводил коня да на широк на двор,
50. Брал доспехи он да й богатырьские:
В первых взял он палицу булатнюю,
Во вторых копьё да муржамецкое,
А що в третьих взял да лук разрывчатый.
Только видди его как сядучись,
55. А не видди его как поёдучись.
Подъезжает он ко городу к Чернигову,
Подъезжает он ко силушке татарской, —
А силушки там черным — чернó,
Ай черным — чернó, как чорна ворона,
60. У того — то у собаки — царя Кáлина.
Приужахнулось сердечко богатырское:
«Как пуститься в эту армию великую?
- Там есть много — то князей да много бо́яров,
Ай там есть много полéниц уда́лых,
65. Ай там есть много сильниих могучиих богатырей, —
Да й побьют головушку невинную,
Да й бросят головушку под ракитов куст,
Ай оставят как мни город при погибели.
То не честь — хвала мни, добру мо́лодцу,
70. Да й не выслуга от князя от Владимира!»
Он просил себе спáса на помочь
Да й матушку пресвятую богородицу
И пустился в эту армию великую,
Он конем топтал да й копьём колот:
75. Куда сам вернёт, — улицой падёт,
Ай повернется, — так переулочком,
Притоптал он эту силушку поганую.
Подъезжает он ко городу к Чернигову.

- Выходили мужички да й всё черниговцы,
80. Говорят они да й таковы слова:
— «Благодарствуй же, уда́лой доброй мо́лодец!
Ты скажи— ка, уда́лой доброй мо́лодец,
Из коёй орды да из коёй земли?
А що как же мо́лодца именём зовут,
85. Молодого величают по отечеству!»
Говорит— то он им да й таковы слова:
— «Я есть из города из Муромля,
Из того ли я подворья богатырьского,
Есть я старый казак да Илья Муромец,
90. Илья Муромец да Иванович.»
Говорят они ему да поклоняются:
— «Ты поди— ко к нам во город воеводою!»
Говорит— то он им да таковы слова:
— «Я не иду к вам воеводою.
95. Вы скажите мне дорожку в стольний Киев— град.»
Говорят они да поклоняются:
— «Прямоежжею дорожкой пятьсот— то вёрст,
А око́льнею дорожкой да це́ла тысяча.
Прямоежжая дорожка зако́дела,
100. Зако́дела дорожка й замура́вела,
А никто этой дорожкой ни прохаживал,
Туды чорный ворон— птица ни пролетывал,
А и серый зверь да ни прорыскивал,
А що конный той дорожкой да й не проежживал,
105. Пешеход да той дорожкой ни прохаживал:
Сидит Со́ловей Разбойник да Одихма́нтьев— сын.
Как закричит— то Соловёй да по— соловьяму,
Да й залает как собака по— звериному,
Да вси травушки— мура́вки уплетаются,
110. Вси лазуревы цветочки высыпаются,
Буйны лёсушки да приклоняются,
А що есть людей, дак вси мертвы лежат!»
Приужахнулось сердечко богатырьское,
Меж собой он пораздумалси,
469
115. Ай раздумался, сам распечалился:
«Как поехать мни дорожкой око́льнёй,
Да й око́льнёй да в стольний Киев— град, —
То не честь— хвала мни, мо́лодцю,

- Да й не выслуга от князя от Владимира.
120. Да й поеду я дорожкой прямоежжею,
Прямоежжею дорожкой в стольний Киев—град!»
Он просил себе да спáса нá помочь,
А що матушку пресвятую богородицю.
А що бил коня да не жолúхою.
125. Поднималси конь да й на вси ноженъки,
Выше лесу да он стоячего,
Ниже óблаки да он ходячии,
С гóры нá гору да й перескакивал,
Мелки реченьки—озёра между ног пускал.
130. Подъезжает он ко Сóловью Разбойнику, —
Сидит Сóловей Разбойник во сырóm дубу.
Засвистал как Соловёй да й по—соловьему,
Да й залаяла собака по—звериному, —
Дак вси травушки—муравки упрятаются,
135. И вси лазúревы цветочки усыпáются,
Буйны лесушки к земли да й приклоняются,
А що есть людей, — да вси мертвы́ лежат.
Да й его—то конь да й на коленка пал.
Ай вынёл он плеточку шелкóвую
140. Да й и бил коня да й не жолúхою:
— «Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок,
Ты нести не хошь аль вести не мошь?
Али ты надо мной да й насмехаешься?»
Отстегал он скоро каленый лук разрывчатый,
145. Натегáл тетивочку шелкóвую,
Налагал он стрелочку каленую,
Да й спустил как он тетивочку шелкóвую
Да й в этую во стрелочку каленую.
Да й просвиснула та стрелка да во сырой дуб,
150. Она выбила у Сóловья—то правóй глаз,
Ай да правóй глаз да й со косúцёю.
Да й и выронил Сóловья из сыра́ дубá,
Из сыра́ дубá да й на сыру́ землю.
Тут удаленькой да й добрый мóлодец,
155. Он с коня скорó да он соскакивал,
Ручки—ножки Сóловью да он омматывал,
Пристегал его он к стрéменам булатниим
И садился на добра́ коня,
Отправлялся в дальнюю да й во дорóжёнъку.

160. Да й случилось дорогою несчастьице:
Да й и ехать ему мимо Соловьиного гнэздышка.
Увидала его Соловьа да й бóльша дочь,
Говорит она да таковы слова:
— «А що едет—то да родный татенька,
165. Он и едет—то да на добром кону
Да везёт да мужичища—деревеньщину!»

470

- Посмотрела Соловьа да й средняя дочь,
Говорит она да таковы слова:
— «А що едет родимый наш—то татенька,
170. А що едет он да на добром кону,
А везёт—то мужичища—деревеньщину,
У того—то он у правого у стремечки булатного!»
Посмотрела Соловьа да й мёньша дочь,
Говорит она да й таковы слова:
175. — «А що едет мужичища—деревеньщина,
Да й везёт—то он да родного татенька
Ай у правого у стремечки булатного!»
Тут скочили зятевя да все любимыя,
Похватили все рогатинки каленыя,
180. Выходили стречу добру молодцю.
Говорит им Соловей да й таковы слова:
— «Ай бросайте—ко рогатинки каленыя,
Да й зовите на почестно да й пированьице!»
Побросали тут рогатинки каленыя,
185. Стали звать на честно да й перованьице.
Тут удаленький дородней доброй молодець
Меж собой—то он да й пораздумался:
Как пойти на честно да й перованьице, —
Да убьют меня да й добра молодця,
190. Да и бросят тут да й под ракитов куст!»
А що бил—то он коня да й не жолухою,
Поднимался его конь да й на вси ноженьки,
Поднимался выше лесу да он стоячего,
Ниже облаки да он ходячейей,
195. С горы на горы он да й перескакивал,
Мелки реченьки—озера между ног пускал.
Подъезжает он ко городу, в стольный Киев—град,
Ай ли в Киев—град ко князю ко Владимиру,
Прибежал он на широкий двор да конюшенный.

200. Ай соскакивал он с добра коня,
Он привязывал коня да й к золоту кольцоу,
Сам пошел в полаты белокаменны.
И заходит он в полаты белокаменны,
А що князь Владимир за столом сидит.
205. Он поклон—то вел да по—ученому,
А що крест—то клал по—писаному,
И поклонился на две, на три, на четыре на сторонушки,
А що князю—то Владимиру в особину:
— «А що хлеб да соль да й хлеба кушати,
210. Князь Владимир—то, да Владимир Алексеевич!»
Говорит тут князь Владимир таковы слова:
— «Просим жаловать, калика ты прохожая,
Ты скажи—ка нам, калика ты прохожая,
Из коей орды да из коей Литвы,
215. А що как же тебя, молодця, именём зовут,
Молодого величают по отечеству?»
Говорит он тут да й таковы слова:
— «Я из города да есть из Муромля,

471

- Из того подворья богатырьского,
220. Есть я старый казак да Илья Муромец!»
— «Ты еще скажи нам, старой казак Илья Муромец,
Ай когда ты выехал из города из Муромля?
Ай какой же ты дорожкой ехал, куды путь держал?»
Говорит он им да таковы слова:
225. — «Ай заутрену стоял я й во Муромли,
Ай к обеденке хотел попасть в стольний Киев—град.
Тут дороженька моя да й призамешкалась:
Как во славном во городе Чернигови
Принагнано силушки татарьскойей
230. Да й черным—черно как чорна ворона,
У того у собаки—царя Калина.
Не оставил—то я ведь города в погибели, —
Ай конем топтал да й копьём колол,
Притоптал эту армию великую,
235. Ай приехал я дорогой прямоежжею,
Прямоежжею дорогой в стольний Киев—град.»
Говорит тут Владимир да таковы слова:
— «Ай ты, старая базага, насмехаешься,
Да в глазах, собака, подлыгаешься,

240. Прямоежжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела.
Да й никто этой дорожкой не проежживал,
Туды и птиця чорный ворон ни пролетывал,
Да й и серый зверь да ни прорыскивал,
245. А що конный туды да ни проежживал,
Пешаход этот дорожкой да ни прохаживал!»
Говорит он им да таковы слова:
— «А ведь Соловей Разбойник да на твоём дворѣ,
На твоём дворѣ, да на моём конѣ,
250. Да й у правого у стремечки булатънего.»
Тут скочил—то скорѣ князь Владимир Алексеевич,
Кунью шубочку он надевает да на одно плечко,
Шапочку соболью на одно ушко,
Да й скорѣшенько выходит на широк на двор,
255. Да й подходит он к конюшеньки стоялые,
Видит — Соловей Разбойник Одюхмантьев—сын.
Руки, ноги Соловью тут связаны,
К стременам были они привязаны.
Говорит—то Владимир таковы слова:
260. — «Засвищи—ко, Соловей, да й по—солвьему,
Да й залай—ко ты, собака, по—звериному!»
Говорит Соловей да таковы слова:
— «Не у тебя я ел, да не у тебя ведь кушал—то,
Не тебя я буду ведь и слушать—то!»
265. Говорит Владимир да таковы слова:
— «Да вели—ко ты засвистать да й вполголоса,
Пусть залает же, собака, да и в полпѣкрыку!»
— «Ты засвищи—ка, Соловей, да в полголоса,
Ай залай, собака, ты в полпѣкрыку!»
270. Говорит Соловей да й таковы слова:

— «Не могу—то я засвистать всё й в полголоса
Да залай, собака, в полпѣкрыку,
Ай от сильных ран уста да й запечатались!»
Говорит—то он да таковы слова:
275. — «Князь Владимир Алексеевич,
Заходи—ко в полаты белокаменны,
Наливай—ко ты ведь чару зеленá вина
Да й давай ествушки сахарънии,
Подноси—ко Соловью Разбойнику!»

280. Тут скорёнько князь Владимир Алексеевич,
Заходил — то он в полаты белокаменны,
Наливал он чару зеленá вина,
Да не мáлу стопу — да полтора ведра,
Разводил медáмы всё стоялыма,
285. Да й принёс ему ествушки сахáрънии.
Тут как взял Сóловей да он одной ручкóй,
А що выпил чару да одним душкóм.
Засвистал как Сóловей да й по — солóвьему,
Да й залаял он, собака, по — звериному, —
290. Да й во граде вси стекóлышка полопались,
Из церквей вси маковки посыпались,
А що есть людей — вси покатились;
Князь Владимир — то по дворику катается,
Куньей шубкой он да й окрывается.
295. Разгорелось тут сердечко й богатырьское.
Взял он палицю да всё й булатнюю,
Да и бил он тут ни жолúхою,
Да й уж бил да й до смёрти — то.
Да й ли Сóловью тут славу поют,
300. Да й славу поют, да й в вéки пó — веку.
Заходили тут в полаты белокаменны
И садились за столики дубовьи,
Да й пошел у них пир да й пировáньицё.
На пиру — то вси да напивались,
305. На пиру — то вси да порасхвастались,
А що умный хвастал отцём — матерью,
А безумный хвастал молодой женой,
А богатый хвастал золотой казной,
А богáтырь хвастал силушкой великою, —
310. Да и вси они тут да й побратáлиси.